

Судьба свела меня с этим странным человеком в довольно щекотливой ситуации. Я держал в руках очередной номер журнала, только что привезённый из типографии, и вдыхал его свежий, знакомый ещё с юности запах. Прошло около полугода с тех пор, как я возглавил редакцию, и к тому времени не лишился той трепетной остроты восприятия, почти священного ожидания, что и прежде, ещё как у читателя, вызывал у меня каждый новый выпуск.

Секретарь деликатно постучала в дверь и, нарушив мою зрительно-осязательную идиллию с любимым детищем, пропустила в кабинет невысокого бородатого мужчину в клетчатой рубашке навыпуск.

– Данилов. Иван Трофимович, – скромным баритоном представился он.

Его имя мне ничего не сказало, и я, едва взглянув на него, кивнул на стул и продолжил листать журнал, ожидая дальнейших объяснений целей его визита. Он не сразу решился прервать молчание и тихо, словно на ощупь, заговорил о плачевном состоянии русского языка, повальной неграмотности и печатной вседозволенности.

Едва сдержав зевок, я положил номер на стол и откинулся в кресле, раздумывая, как бы поскорее избавиться от этого непрошеного гостя. На своём редакторском веку я перевидал множество подобного рода просителей: высоколобых грамотеев, латентных графоманов и непризнанных гениев. Вычислить этот типаж было не так уж сложно: почти каждый из них начинал с того, что требовал ниспровергнуть тех, кто якобы мешал им реализовать себя, составив негласный заговор против великого языка, не давая пробиться подлинно творческим росткам живого слова.

Поглаживая седоватую бороду, Данилов увлечённо, хоть и сдержанно, раскручивал свой критический маховик, и по его тону было ясно, что он далеко не в первый раз развивает эти мысли и привык к сопротивлению.

Проще всего было бы поблагодарить его за разговор и распрощаться, но было что-то располагающее в этих больших голубых глазах, провинциальном оканье и даже в русых, зачёсанных назад волосах, непонятным образом придававших всему облику какую-то филологическую достоверность.

Немного поколебавшись, я взглянул на часы (до обеда было ещё далеко) и всё-таки решил дать ему шанс:

– Вынужден во многом с вами согласиться. Хотя, конечно, всё не так просто, как вам кажется. А что конкретно вы предлагаете?

– Это ведь ваш новый номер? – спросил Данилов, показывая глазами на стол. – Позвольте взглянуть.

Я протянул ему журнал, предупредив, что он только вышел из печати и должен появиться на книжных полках не раньше следующей недели. Данилов аккуратно, как младенца, взял номер двумя руками, но не стал раскрывать его.

– Давайте проведём простой эксперимент, – сказал он. – Гарантирую, что в течение трёх, максимум пяти минут я отыщу как минимум одну ошибку в этом 240-страничном издании.

«Ну вот, начинается. Очередной фокусник», – с раздражением подумал я, уже жалея о принятом решении.

– Попробуйте, но мало шансов что-то выискать. Мои сотрудники всегда тщательно отлавливают всех блох.

– Всех, да не всех. В предыдущем номере, например, я насчитал у вас не менее двадцати помарок. Я ведь всё читаю и отслеживаю! Но не будем о прошлом, а лучше проверим этот журнал, как если бы он ещё не вышел. Согласны?

Несколько уязвлённый его замечанием о работе редакции, я хотел было потребовать конкретных доказательств, но тут же сообразил, что пусть он и вправду покажет себя в деле на текстах, которых никак не мог ещё видеть.

Не прошло и двух минут, как Данилов, укоризненно скривив лицо, протянул мне журнал:

– Вот, пожалуйста. Ну что это такое?

«Её звонкий мех всегда вызывал во мне самые восторженные чувства», – прочитал я в рассказе одного довольно известного писателя, нашего постоянного автора. Не веря своим глазам, я в негодовании сорвал трубку и вызвал ответственного редактора. Прибежавшая дама молча погрузилась в текст, сняла свои толстые очки, озадаченно протёрла их, но это не помогло: пропущенная буква так и не встала на место.

– Что же нам теперь делать? – покраснев, растерянно спросила она.

– Это я вас должен об этом спросить! – хлопнув по столу, рявкнул я. – Как вы могли такое пропустить? От вас, Сморчкова, не ожидал. Просто курам на смех!

– Да, со смехом здесь как раз и недотянули, – невозмутимо сказал Данилов. – Кроме того, заметны ещё несколько недочётов, которые обязательно нужно править. Из номера в номер повторяется одно и то же. Как я уже говорил, даже самые опытные корректоры не всегда это видят, и напрасно.

– Что такое? – снова вскинулся я, чувствуя, что начинаю постепенно ненавидеть этого спокойного, уверенного в себе человека, взорвавшего ровное течение моей редакторской жизни.

Визитёр вздохнул и отодвинул соседний стул, приглашая Сморчкову сесть рядом. Она недоумённо покосилась на меня и послушно повиновалась. Я встал у них за спиной и стал наблюдать за движением округлого, как колбаска, мужского пальца, заскользившего по строчкам.

– Давайте начнём с первой же заметки, – наставительно, как-то потечески, забубнил Данилов. – Заметили что-нибудь?

Сморчкова прищурилась, нагнулась поближе к тексту и покачала головой.

– Неужто не видите лишних пробелов между словами? Вот здесь и здесь, – Данилов ткнул пальцем в два места на развороте.

– Ну-ка, дайте и мне посмотреть, – выхватил я журнал из рук Данилова. Это была моя редакторская колонка, и, не скрою, его выпад отчасти кольнул моё авторское самолюбие. Разумеется, свой текст я знал хорошо и был в нём вполне уверен.

По такому случаю Сморчкова отважилась позвать самого опытного из наших корректоров, сухопарого Гренца, который без лишних слов близоуко склонил жирафью шею и пробасил:

– Да, похоже, есть лишний пробел. Каюсь, пропустили.

Я бросился к своему компьютеру, открыл файл с заметкой, прокрутил его до нужного места и нажал на не самый любимый символ «Отобразить все знаки», похожий на прилипшую к колонне ноту. Пространство между словами крапчато ощерилось, и действительно там, куда указал на бумаге карающий перст Данилова, в моём файле стояло два пробела вместо одного.

– Хорошо, ваша правда, но это сущая ерунда. А вот...

– Позвольте, какая же это ерунда!.. – возразил было Данилов, но я ответно перебил его.

– Гренц, скажите лучше, что за «звонкий мех» такой вы учудили? Вас что сейчас, сажать всей редакцией и букву «с» от руки дописывать?

– Там как раз есть место для этого, за счёт возникшего пробела, – вставил Данилов.

– Да отстаньте вы со своими пробелами! – взъярился я, чувствуя, что теряю самообладание.

– Ну, тогда я пойду, – поднялся с места Данилов.

– Нет уж, подождите, останьтесь. Вы эту кашу заварили, вам и...

– А разве я редактировал номер и подписывал его в печать? – опустившись обратно на стул, всё так же бесстрастно парировал Данилов.

Он был прав: в конце концов, вся ответственность лежала на мне, и злиться я мог только на себя. Нужно было принимать решение, и я до сих пор не жалею о своём малодушии, которое в тот критический момент самым необъяснимым образом спасло ситуацию и, возможно, мою репутацию. Этого нельзя было делать, особенно при подчинённых, но меня уже несло не туда, и я с вызовом бросил пришельцу:

– А что бы вы сделали на моём месте? Хотите посидеть в кресле главного редактора, а? Попробуйте, даю вам полный карт-бланш!

Данилов с жалостью посмотрел на меня, и мне стало не по себе от этого взгляда. Потупив глаза, он произнёс:

– Простите, но это лишнее. Если хотите знать моё мнение, то весь тираж под нож, но иначе. За сутки я обязуюсь вычитать все тексты номера. Завтра, примерно в это же время, я вышлю вам всё в нужном виде. Для страховки, конечно, можете проделать ту же работу своими силами. А дальше, надеюсь, вы успеете всё заново отпечатать и вовремя выпустить. Но это уже не моё дело.

Я вопросительно взглянул на Сморчкову, и она утвердительно кивнула. Как правило, мы закладывали про запас неделю с небольшим на случай форс-мажора, и вот он и наступил – кажется, впервые в моей бурной редакторской практике. Немного взбодрившись, я стал приходить в себя

и обратился к Данилову с вопросом, который внезапно взволновал меня больше других:

– Иван Тимофеевич, скажите...

– Иван Трофимович.

– Да-да, простите. Иван Трофимович, а зачем вам всё это нужно? И сколько будут стоить ваши услуги?

Данилов едва ли не в первый раз коротко усмехнулся, негромко кашлянул и ответил с прежним серьёзным видом:

– Да нисколько. Только в выпускных данных поставьте мои полные инициалы, всё имя не нужно. Вы, кажется, прослушали, а я ведь ещё вначале сказал о главном. Поверьте, просто я живу и делаю всё из любви к русскому слову. Пытаюсь, так сказать, через огранку текстов сделать мир вокруг чуточку лучше. Не знаю, насколько получается, но уж как умею... Вот, пришлите на этот адрес, – он протянул мне листок, провёл широкой рукой по волосам и вышел.

Начало следующего дня ознаменовалось зычным возгласом Гренца на всю редакцию:

– Данилов прислал! Начинаю сверку.

Из любопытства я уставился в монитор запыхтевшего корректора и подивился, завидев правки чуть ли не на каждой второй странице текстовой простыни. На первозданном чёрно-белом фоне там и здесь, как кровоточащие раны, проступали багровые вставки и исправления, и изречённый Даниловым приговор: пустить трёхтысячный тираж «под нож» – приобрёл для меня какое-то новое, вполне наглядное выражение.

Горделиво выросшие в тире дефисы; запрыгнувшие в текст или изгнанные оттуда запятые; слова, почтительно вставшие в очередь на одинаковом расстоянии друг от друга, – всё это было верно и к месту, и Гренц, одобрительно принимая каждую следующую правку, в конце концов побеждённо изрёк:

– Нам бы, конечно, не помешал такой сотрудник, хотя бы и удалённо. Зачем вот только он вставил *И. Т. Д.* на последней странице – заглавными буквами, да ещё и с лишней точкой?

Посмотрев на этот трёхбуквенный курсив, разместившийся аккуратно под именем Гренца, я вспомнил о единственной просьбе Данилова и попросил оставить всё как есть. Тот номер вышел точно в срок, и в ответном письме я попросил Данилова согласиться на заслуженный им гонорар, предложив встретиться ещё раз, но ответа не последовало. Мы написали ему ещё дважды, но тщетно: на связь он так и не вышел.

Не выходил он и из моей головы, и несколько раз частным образом я как бы издали заводил разговор о нём с близкими коллегами из других редакций. Двое или трое словно бы вспомнили эту фамилию, но ничего конкретного, кроме как: приходил, предлагал помощь, исчез из виду – к сожалению, сказать не могли. Один из моих знакомых рассмеялся, заслышав о Данилове, и откровенно признался, что просто прогнал с порога «этого бородатого ходока-текстоеда». Другой же сказал, что с благодарностью принял ненавязчивое содействие Ивана Трофимовича, но отыскать его, дабы склонить к дальнейшему сотрудничеству, так и не смог. Он показал мне номер газеты, вышедшей при участии Данилова несколько лет назад, и я удостоверился в этом, разглядев всё те же самые *И. Т. Д.* на последней странице.

Удивительным образом Данилов нигде не оставлял после себя следов, кроме своих печатных инициалов да адреса электронной почты, от которого не было никакого проку. Убедившись в том, что поиски

беспольны, я стал забывать об этом человеке в потоке журнальной рутины, но однажды, более двух лет спустя, в редакции раздался звонок, зазвучавший растерянным женским голосом в моём ухе:

– Здравствуйте, это Данилова. Зоя Марковна Данилова, жена Ивана Трофимовича. Он просит вас прийти... на его похороны. Простите, что же я говорю... Он умер вчера, и для меня он ещё как живой. В общем, он просил позвонить вам, как только... это случится.

В тот же день, весь в мыслях о предстоящей встрече, я поехал в рабочий посёлок за чертой города, не обращая внимания на ухабы и весеннюю распутицу. Навигатор остановил меня у старенькой, но крепкой избы с невысокой изгородью, за которой темнели голые скелеты деревьев и влажно-бурая земля, недавно сбросившая с себя снежное иго. Тоску навевала эта унылая деревенская картина, и сложно было вплести её в представление о бесследно исчезнувшем и вновь давшем о себе знать Данилове.

Полноватая женщина, появившаяся на крыльце в калошах и серой шали поверх полушубка, зазывающим жестом руки пригласила войти, и с самого порога в носу защекотало от будоражащего, ни с чем не сравнимого бумажно-типографского запаха. То, что в любой избе называется сенями, было уставлено высокими, под самый потолок, стеллажами, за стеклянными дверцами которых пестрели корешки разноцветных книг.

Проследовав за хозяйкой, я вошёл в комнату и поразился, что она почти не отличается от сеней: всё те же добротные книжные шкафы по периметру стен сужали жилое пространство, остатки которого занимали широкая старинная кровать, круглый дубовый стол и три простеньких табуретки. На секунду невольно представилось, что вот сейчас появится хозяин и, распорядившись поставить самовар, достанет с верхней полки какой-нибудь уютный фолиант и начнёт рассказывать что-то книжное, интересное.

– Иван Трофимович на веранде обычно работал, а здесь гостей принимать любил, – уважительно сказала женщина, поймав моё озирающееся любопытство. – Но сейчас вы встретитесь в другом месте. Туда он мало кого пускал.

Не успел я вникнуть в загадочный смысл этих слов, как Зоя Марковна вывела меня обратно в сени, и мы, миновав узкую, скромную кухню, прошли немного вглубь и остановились у допотопного рукомоиника, напротив которого неожиданным контрастом моргал цифровой замок массивной металлической двери. Сославшись на прежнее требование Ивана Трофимовича, хозяйка попросила меня вымыть руки, и, пока я делал это, за спиной послышался писк набираемого шифра. Толстая дверь распахнулась, и мы стали спускаться по решётчатой лестнице, погружаясь в сумрачную прохладу.

– У нас здесь раньше был погреб, но Иван Трофимович под свои нужды его оборудовал. А вот и он сам, мой Ваня... – горестно прошептала женщина.

Вспыхнул яркий свет, и перед моими ослеплёнными глазами предстало нечто невероятное. Глубокое, примерно в три человеческих роста, пространство растекалось вширь и вдаль, и на его раздавленных просторах стройными рядами торжественно высились великолепные резные шкафы светлого дерева. Лучи софитов обдавали каждую полку ровным, ласкающим светом и отдельным, нацеленным пучком, словно пробившись из-под земли, озаряли возвышавшийся в центре кристально-переливчатый куб, на вершине которого лежал гроб с телом Данилова. Я узнал его сразу, по зачёсанным назад волосам, пухловатым пальцам

и всё тому же невозмутимому выражению лица, которое не могли изменить даже усопшие веки.

– Вот уж не думала, что Ваню сюда положить придётся. Просто здесь прохладнее, вот меня и убедили перенести его вниз, чтобы тело не так быстро... ну, вы понимаете. А так он эту стекляшку никогда не жаловал. Говорил, что на её месте ещё парочку шкафов можно было поставить. Но Герман настоял на своём, и Ване пришлось уступить. Герман – это Ванин друг, он всё это и обустроил, да и вообще, пока был жив, нас поддерживал. Горячий был человек и богатый очень. Нет-нет, не из тех, кто яхты скупал да виллы заграничные, хоть и его головушку шальная пуля встретила. Сошлись они с Ваней на общей страсти, на книгах и журналах, да ещё и земляками оказались, оба здесь родились. И вот, узнав, что Ваня в районной газете работает, Герман ему и говорит: «Пообещай, что всегда будешь здесь трудиться, на одном месте, а уж я тебя всем обеспечу». Таким вот местным патриотом оказался, и Ваня согласился, конечно. Он ведь у меня и так домоседом был, никуда не рвался. А уж когда возникла эта библиотека...

Зоя Марковна широко провела руками по сторонам и продолжила.

– Приехала к нам тогда, значит, целая бригада – хлопцев двадцать, не меньше. Мигом вытащили из погреба все мои банки да соленья и как принялись тут копать-строгать во все стороны! Месяца через три – глянть, а уж здесь такая красота выросла, не всем и расскажешь. Ваня почти никого сюда не пускал, тщательно всё хранил, а мне даже грядками запретил заниматься, чтоб ничего тут не протекло и не испортилось. Ведь они там внизу почти на весь наш участок в длину прокопали! Скучная у меня с тех пор жизнь пошла, без огурцов да картошки. Деток у нас с Ваней тоже не было, хоть бы в них отвести душу. Но Ваня ещё давно, перед самой свадьбой, мне так и сказал: «Детей у нас не будет, иначе службы у меня не выйдет». Я ещё подумала тогда: «Неужто он в армию собрался али ещё куда?» А потом оказалось, что службой своей он всю жизнь эту свою работу считал, с гранками да статьями. По молодости, помнится, я к ним ужас как ревновала: дескать, и зачем я ему вообще тогда понадобилась? Потом уж только поняла, что негоже Бога гневить: жили мы исправно, да и любил он меня, я знаю. По-своему, но крепко. Почти как книжки свои...

Голос женщины дрогнул, и она, приложив платок к лицу, сокрушённо покачала головой. Понимая, что слова в такой ситуации излишни, я сочувственно опустил глаза и уткнулся взглядом в блестящие паркетные доски, устилавшие пол этого чудесного подземелья. В повисшей тишине проступил ровный гул кондиционеров, а рядом, у самой лестницы, разместилась широкая сенсорная панель, по-видимому, служившая книжным каталогом. Я коснулся экрана, и на нём в должном порядке выстроился плазменный алфавит, а под ним, чуть ниже, выплыли уже известные мне *И. Т. Д.* Нажав на аббревиатуру, я вновь вызвал к жизни всю буквенную армаду и прокрутил меню до начальной гласной моего журнала. Щёлкнув по нему, я увидел файл того самого номера, который и соединил нас когда-то с Даниловым. Под той же буквой в разделе *И. Т. Д.* значились ещё с десяток изданий, большинство которых были мне хорошо известны. В каждом из них содержалось от одного до дюжины файлов, которыми, очевидно, занимался лично Данилов. То же самое обнаружилось и в папках, начинавшихся на другие буквы. Было неловко тревожить застывшую у гроба вдову, но возник вопрос, который требовал прояснения:

– Зоя Марковна, извините, а ваш супруг сдержал обещание, данное своему меценату?

– Да-да, конечно, – неохотно оборачиваясь ко мне, пролепетала женщина. – Так он и работал в той самой газете, до последнего дня своей жизни. Всего три месяца не дожил до шестидесяти... Когда Герман погиб, туговаты нам стало. Говорила я Ване не раз и не два: уходи на другое место, не артачься. Уж кто только его не заманивал, но он ни в какую: останусь здесь, как обещал, и всё тут. А то, что он по редакциям разным ходил, так это он так, в нагрузку к работе. Да и любил он от души это дело, ох, как любил! Всё читал постоянно – и правил, черкал, переписывал. А денег за это не брал, вот и перебивались мы как могли в последние годы.

– Да, кстати, вот гонорар Иван Трофимовича. Сожалею, что раньше не мог ему передать, – я достал из кармана заранее приготовленный конверт и протянул его смутившейся женщине. Она всплеснула руками и запричитала, но уже совсем о другом:

– Господи, что ж это я, забыла, о главном-то! Ваня ведь вас не просто так вызвал. Он просил вас заняться всем, что после него осталось. Библиотекой этой, архивом и подшивками. Я ведь даже не знаю, как с этим управляться. А про вас он сказал: такой человек, как вы, заслуживает доверия. И не только потому, что не поскупились вы тираж переиздать из-за буквы одной.

– Там ещё пробелы были лишние, и не только, – растроганно уточнил я.

– Ага, и об этом он говорил. А ещё и потому он вас выделил, что после того случая у вас тексты вроде как лучше, чище стали. Уж очень доволен был Ваня, не нарадовался. Эх, милый ты мой, на кого ты меня оставил!..

В нахлынувшей скорби женщина вновь устремилась к изголовью почившего мужа, возлежавшего на кристально сверкавшей поверхности, окружённой величавыми рядами безмятежных книг. Вся конструкция походила на диковинный саркофаг, и мне вдруг представилось, что самым уместным решением, поистине венчающим жизнь этого удивительного и по-своему трагического человека, было бы захоронить его прямо здесь, засыпав землёй вместе с собранной им библиотекой, а возможно, позднее, и с его законной женой, которая, впрочем, и так уже давно была погребена заживо в аскетической книжной страсти своего непреклонного супруга.

Но тогда, конечно, я только пожалел её и обещал помочь – и, делая это по сей день, так до сих пор и не знаю: как поступить с библиотекой, у которой, в сущности, мог быть только один хозяин? Часами просиживая здесь в свободное время, я прислушиваюсь к музыке этого величественного места и разрываюсь между желанием оставить его в первозданном виде и частыми порывами поделиться наследием Данилова с широкой публикой или, на худой конец, с узким кругом специалистов. Однако каждый раз что-то останавливает меня – то ли эгоизм приобщённости, то ли сомнение в том, а искал ли этот одинокий подвижник своих возможных последователей?

Иногда мне кажется, что его предсмертное пожелание, доставленное на моё имя, содержало некий скрытый намёк, даже тайное послание, как и всё, на чём он оставлял свою трёхбуквенную, устремлённую в будущее печать. И если участь его достояния пока не решена, то, вероятно, на то есть причины, которые нам попросту неподвластны. Как знать, быть может, старый хозяин всё ещё ждёт кого-то, в ком вновь мог бы зримо воплотиться его нерушимый, влекущий к новым словесным вершинам знак качества – *И. Т. Д.*?